

ТЕОРИЯ
—ДЛЯ СЛАБЫХ—
ЗДЕСЬ
УЧАТ ВЫЖИВАТЬ
БЕЗУМСТВО
СЕРЬЕЗНО

Академия Кошмаров: Практика выживания

Айрина Лис

**Академия Кошмаров:
Практика выживания**

«Автор»

2026

Лис А.

Академия Кошмаров: Практика выживания / А. Лис — «Автор»,
2026

Академия Кошмаров: Практика выживания, год первыйЕвгения Королёва — ветеринар, которая умеет усмирить разъярённого верблюда и сделать клизму удаву. Но когда портал затягивает её в мрачную магическую академию, даже она теряет дар речи. Здесь учебники кусаются, цветы хохочут над чужими страхами, а местный ректор — призрак, который боится собственного портрета. Чтобы вернуться домой, Жене нужно познать таинственное Сердце Тьмы. Она подозревает, что это редкая болезнь, и вооружается скальпелем. Но Сердце — не орган, а древний кристалл, пожирающий кошмары и шутки. Теперь Жене предстоит стать хирургом для целого мира, где смех — оружие, а серьёзность смертельна. Рядом — ворон-циник, мрачный некромант, взрывоопасная подруга-изобретательница и один очень надменный манул. Спасать реальность ещё никогда не было так смешно и жутко одновременно.

© Лис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Айрина Лис

Академия Кошмаров: Практика выживания

Пролог.

Зоопарк «Приют надежды», провинциальный городок Зареченск, 22:47

Запах спирта, антисептика и легкого звериного мускуса — вот мой парфюм, который я ношу с гордостью врача, привыкшего к тому, что его пациенты не говорят «спасибо», но зато могут случайно откусить палец, если что-то пойдет не так. Впрочем, сегодня я работала не со львом, не с тигром и даже не с тем гималайским медведем, который уже вторую неделю убеждал меня, что у него рак четвертой стадии, потому что он нашел пятнышко на своем левом боку и, прости господи, "чувствует себя нехорошо". Миша был ипохондриком до мозга костей и единственным существом в зоопарке, способным выманить у меня улыбку своей театральной игрой. Но сегодня он был здоров, насколько вообще может быть здоров медведь, который считает каждое свое чихание предвестником апокалипсиса.

Сегодня я оперировала таракана.

Да, вы не ослышались. Таракана. Шестисантиметрового, с блестящим панцирем и усами, которые подозрительно подергивались, когда я произносила его имя. Его звали Иероним, и он был, как выразился наш директор, "важнейшим экземпляром зоопарка". Я же называла его "главным бюрократом", потому что этот паршивец, работая архивариусом в нашем крошечном музее зоопарка, умудрился проглотить микрофильм с планами эвакуации. Планами, между прочим, которые мы разрабатывали полгода, по ночам, под аккомпанемент храпа пингвина-неврастеника и периодическими попытками енота-клептомана утащить наши карандаши.

— Жень, ну сколько можно? — проворчал из угла Костя, наш молодой зоолог, который, в отличие от меня, предпочитал находиться по другую сторону операционного стола, когда речь шла о членистоногих. — Это же просто таракан. Зачем ты над ним колдуешь?

— Я не колдую, — поправила я, не отрывая взгляда от микроскопа. — Я извлекаю инородное тело. Иероним — особый экземпляр. Ты вообще представляешь, сколько информации он протащил через свою кишечную систему за годы работы?

— Информация — это хорошо, — флегматично заметил Костя, жуя печенье, которое только что украл у меня со стола, — но это — таракан. Он мог бы просто... ну не знаю, покакать микрофильмом через пару дней. Зачем резать?

— Во-первых, это негигиенично. Во-вторых, микрофильм может не пережить такой процесс. В-третьих, — я подняла взгляд и улыбнулась той улыбкой, которая обычно заставляла Костечку нервно сглатывать, — мне интересно.

Вот так я жила. Мне было двадцать девять лет, я была ветеринаром в небольшом провинциальном зоопарке, который, честно говоря, держался только на моем энтузиазме, на энтузиазме нашего директора Виктора (который, к слову, вздыхал по мне так томно, что даже манул в соседнем вольере закатывал глаза) и на том факте, что местные власти забыли, что мы вообще существуем. Это было прекрасно. У меня были пациенты, у которых не было денег, но была своя неповторимая харизма. Пингвин-неврастеник по кличке Артур, который трясся каждый раз, когда кто-то чихал громче шепота. Гималайский медведь Миша, который, как я уже говорила, был уверен, что умирает, и даже однажды нацарапал на стене своего вольера завещание (в котором он оставлял мне свою любимую игрушечную рыбу — трогательно, если не учитывать,

что рыба была заляпана его слюной). Енот Ракета, который коллекционировал мои шариковые ручки — я вела записи карандашами.

И Иероним. Таракан, который, как мне казалось, был единственным живым существом в этом зоопарке, который относился к моей работе с должным уважением. По крайней мере, он не пытался меня укусить или облить водой.

— Микрофильм плана эвакуации, — бормотала я, осторожно поднося скальпель к блестящему сегменту между головой и грудью таракана. Иероним лежал на спине, его лапки безвольно подрагивали — я дала ему легкую дозу снотворного, рассчитанную на его миниатюрный организм. — Кто вообще додумался засовывать его в таракана? У нас что, нет сейфов?

— Есть, — пожал плечами Костя. — Но они все заняты бумагами. Местная документация разрастается быстрее, чем мы успеваем ее перерабатывать. А Иероним — надежный курьер. Не хворает, не нарывается на хищников. Просто проглотил и забыл.

— Или намеренно, — я прищурилась. — Что-то мне подсказывает, что у Иеронима свои планы. Смотри, как он дергает усиками. Знаешь, кто так дергает усиками, когда его оперируют? Те, кто ждет, что все пойдет не по плану.

— Ты антропоморфизируешь членистоногое, — вздохнул Костя.

— А ты недооцениваешь его интеллект, — парировала я и сделала первый надрез.

Таракан не пискнул. Он вообще не умел пищать, в отличие от Артура, который в этот момент где-то в углу вольера начал издавать звуки, похожие на плач аккордеона. Я мысленно закатила глаза. Артур явно переживал из-за того, что я не погладила его перед операцией. Пингвин был эмоционально нестабильным, и мне следовало бы уделять ему больше внимания, но сегодня у меня были другие приоритеты.

Операция шла своим чередом. Я работала как всегда — быстро, точно и без лишней суеты. Микрофильм, аккуратно свернутая трубочка пленки, лежала прямо в пищеводе, и я уже почти добралась до нее. Скальпель, пинцет, легкое надавливание... Вокруг стояла тишина, если не считать аккордеонных всхлипов Артура и периодического шуршания Ракеты, который, как мне казалось, в очередной раз пытался утащить мой термос.

— Жень, — позвал Костя. — Жень, ты слышишь?

— Слышу, — пробормотала я, не отрываясь от операции. — Артур опять страдает. Скажи ему, что я приду через десять минут.

— Нет, не Артур. — Голос Кости стал странным, каким-то... растерянным? — У нас... пол. Он светится.

Я подняла глаза от микроскопа и посмотрела вниз. Пол под моими ногами, старый и выщербленный, действительно начал светиться. Тонкие зеленоватые линии проступили сквозь вековую грязь, складываясь в причудливые символы, которые... Господи, я не знала, что они значили, но они выглядели зловеще. Или, возможно, просто красиво. Я не была искусствоведом.

— Это... похоже на дизайнерскую подсветку? — предположила я, хотя в голове уже зазвонел тревожный звоночек. Я слишком хорошо знала, что в нашем зоопарке никогда не было денег на дизайнерские подсветки. Мы едва лампочки меняли.

— Не похоже, — Костя выпрямился, и печенье выпало из его руки. — Женя, здесь... здесь что-то происходит. Я пойду посмотрю.

— Не ходи, — автоматически сказала я. — Там может быть газ. Или радиация. Или...

Но Костя уже исчез за дверью. Я осталась одна. С тараканом. С микрофильмом. И с полом, который начинал светиться все ярче.

Иероним вдруг дернулся. Несмотря на снотворное, он резко выгнулся, и его усики начали подергиваться с такой частотой, что я на секунду испугалась, что он собирается взорваться. Но вместо этого он просто... заговорил.

Нет, тараканы не умеют говорить. У них нет голосовых связок. Но я отчетливо услышала голос — тонкий, металлический, звучащий прямо в моей голове, как будто кто-то вложил наушники в мой мозг и включил запись.

— Доктор Королёва, — сказал голос, принадлежащий, очевидно, Иерониму. — Прошу прощения за беспокойство. Но вы должны довести операцию до конца. Это важно.

Я замерла. Скальпель дрогнул в руке.

— Иероним? — переспросила я, потому что, знаете, когда твой пациент-таракан начинает разговаривать, нормальный человек либо падает в обморок, либо начинает серьезно пересматривать свои отношения с реальностью. Я не упала. Я лишь опустила скальпель и усталилась на насекомое, которое лежало на спине, подрагивая лапками, но при этом смотрело на меня своими сложными глазами с такой осмысленностью, что у меня мурашки побежали по позвоночнику.

— Да, я, — подтвердил таракан. — И у меня нет времени объяснять. Микрофильм в моем пищевode — это порталный ключ. Вы должны извлечь его и активировать. Буквально... сейчас.

Я медленно выдохнула.

— Портальный ключ, — повторила я. — У нас в зоопарке, в таракане. Конечно. А почему не в хомяке? Или в жирафе? У жирафов, между прочим, больше места.

— Процедура была конфиденциальной, — отозвался Иероним, и в его голосе послышалось что-то, похожее на усталость. — Доктор Королёва, пожалуйста, сосредоточьтесь. Через пятнадцать секунд начнется активация. Если вы не завершите извлечение, портал откроется в той точке, где я нахожусь. То есть внутри меня. А это, смею заметить, крайне неудобно для всех участников.

Я усталилась на таракана.

— Ты серьезно?

— Всегда, — ответил он. — Пожалуйста, действуйте.

И я, повинаясь тому самому профессиональному автоматизму, который заставлял меня делать уколы разъяренному верблюду, не пролив утренний кофе, снова взялась за скальпель. Руки двигались сами собой. Я извлекла микрофильм — тонкую серебристую пленку, которая дрожала в моих пальцах, как живая, — и в этот момент пол под ногами буквально взорвался светом.

Зеленые линии вспыхнули ослепительным сиянием, закружились вокруг меня, и я почувствовала, что меня тянет вниз. Нет, не падать. Меня тянуло в какую-то иномирную, абсолютно нереальную воронку. Я успела схватить скальпель, который до сих пор держала в другой руке, и Иеронима — я не знаю, зачем, наверное, чтобы он не потерялся, — и в следующее мгновение меня закрутило в водовороте света, ржавого скрежета, который звучал так, будто тысяча железных дверей одновременно закрывались на засов, и криков.

Криков Артура. Криков Ракеты. И какого-то странного, нечеловеческого воя, который, как я поняла позже, издавал директор Виктор, который, наверное, вбежал в комнату, когда понял, что что-то пошло не так.

Я не видела, что происходило вокруг. Я видела только свет. И чувствовала, как Иероним трепещет у меня в руке, и скальпель, холодный, привычный, надежный, впивается мне в ладонь.

— Держись! — крикнул таракан. — Мы почти на месте!

— Где?! — заорала я в ответ, хотя не могла быть уверена, что он меня слышит.

— В Академии! — ответил он, и это был последний звук, который я услышала перед тем, как все стихло.

Зал Призыва Академии Кошмаров, мир Мортейн, время неизвестно

Пахло серой. И пылью. И чем-то еще, отдаленно напоминающим запах дешевого театрального грима, смешанного со страхом. Я лежала на спине и смотрела в потолок, который терялся в темноте где-то на немыслимой высоте. С потолка свисали клетки с... ну, я предположила, что это скелеты. Они не шевелились, и это меня почему-то успокаивало. В отличие от лиц, которые были выгравированы на плитах потолка. Плиты были такими старыми, что я могла разглядеть каждую деталь этих лиц — страдающих, кричащих, застывших в вечном вопле ужаса.

— Что за дешевка, — прошептала я и, кажется, сказала это вслух, потому что в следующий момент одно из лиц надо мной хихикнуло.

Я подскочила. Нет, я не подпрыгнула от страха — я просто машинально отдернула руку, потому что пол, на котором я лежала, был холодным и влажным, и в целом не располагал к тому, чтобы на нем лежать. Но в тот момент, когда я дернулась, я почувствовала, что пол подо мной... дышит. Или, по крайней мере, пульсирует. Как сердце.

Я встала. Покачнулась. В руке у меня все еще был Иероним, который затих, притворившись мертвым, или по-настоящему отключился — я не могла понять. Скальпель я держала в другой руке, и, к моему удивлению, он не выпал, хотя мои пальцы дрожали.

Осмотрелась.

Зал. Гигантский. Готический. Такой, который снимают в фильмах ужасов за бешеные бюджеты, чтобы потом провалиться в прокате, потому что зрители устали от однообразных монстров. По углам шептались тени — буквально шептались, издавая звуки, похожие на шипение старого телевизора. Свечи, сотни свечей, горели зеленым пламенем. Не синим, не желтым, а именно зеленым. Какая-то чертова химия.

В центре зала стоял алтарь. Огромный, черный, покрытый письменами, которые я, к счастью, не могла прочитать, потому что если бы я их прочитала, я бы, наверное, засмеялась. Или заплакала. Или, как в старых фильмах, впустила бы что-то неописуемое в этот мир. Но я не прочитала, потому что мне было не до того. Я была занята другим — я осматривала местных обитателей.

Их было двое.

Первый — молодой человек с внешностью траурного поэта-романтика. То есть бледный, с кругами под глазами, темными волосами, которые падали на лицо, и мантией такого же темного цвета, что, казалось, она поглощала свет. Он стоял в нескольких шагах от меня и смотрел с выражением, в котором смешивались ужас, растерянность и какое-то мрачное восхищение.

Второй — девушка. Явно младше, может быть, лет семнадцать, с лицом, которое светилось энтузиазмом, способным ослепить даже в этом сумрачном месте. На ней был корсет, поверх которого натянута куртка, усеянная металлическими шестеренками и заклепками, и в руках она держала что-то, отдаленно напоминающее паровой пистолет. Волосы у нее были взлохмачены, щеки перепачканы маслом, но глаза... глаза горели. Как у ребенка, который увидел в витрине самую дорогую игрушку и понял, что она его.

— Ты видишь ее? — спросил поэт-романтик, не сводя взгляда с меня. Его голос был низким, хриплым, как будто он всю жизнь говорил только на похоронах.

— Вижу, — отозвалась девушка. Ее голос был звонким и немного визгливым — такой голос бывает у тех, кто пьет слишком много кофе и слишком мало спит. — Она сияет. Прямо как в пророчестве.

— Она вся в какой-то жидкости, — мрачно заметил парень. — И пахнет... странно. Как ветеринарная клиника.

Я, наконец, пришла в себя.

— Я слышу вас, — сказала я. Голос у меня, как ни странно, звучал спокойно. Наверное, потому что операция на таракане и внезапный портал в параллельную реальность были для меня примерно в одном ряду — по шкале неожиданных событий, которые я способна пережить

без паники. — И про пророчество я ничего не знаю. Но я хотела бы знать, где я, и почему у вас здесь такие плохие условия для приема гостей. У вас что, нет аптечки? Я бы обработала руки.

Поэт-романтик открыл рот, чтобы ответить, но не успел. Потому что в этот момент портрет на стене — большой, массивный, в тяжелой золоченой раме — начал оживать.

Я видела много странных вещей. Я видела, как пингвин-неврастеник пытался загипнотизировать меня своим взглядом, чтобы я дала ему больше рыбы. Я видела, как манул строил планы мирового господства у себя в вольере (он явно руководил местной колонией крыс). Я видела, как удав танцевал джаз в своем террариуме, и это не было шуткой. Но я никогда не видела, как портрет начинает говорить.

Краски на портрете задвигались, перетекая из одной формы в другую, пока на холсте не сформировалось лицо — старика с длинной седой бородой, высоким лбом и глазами, в которых читалась такая смесь мудрости и трусости, что я невольно улыбнулась. Но улыбка застыла, когда я поняла, что краски не просто движутся — они стекают с холста, падая тяжелыми каплями на пол, где превращались в маленькие лужицы цвета. И каждое изменение цвета меняло выражение лица старика.

— Арх-хи-магистр! — выдохнула девушка, и в ее голосе звучало такое благоговение, будто она увидела Бога. Или, по крайней мере, его представителя.

— Амброзиус Кляйн, — представился старик, хотя его голос, доносившийся из портрета, был похож на звук, который издает старая пластинка, когда ее проигрывают слишком медленно. — Я — Ректор-Призрак этой Академии. И я приветствую тебя, о Сияющая, в наших скромных...

Он запнулся. Его лицо исказилось — краски потекли вниз, и то, что было высоким лбом, превратилось в длинный нос, который, в свою очередь, начал медленно сползать на подбородок. Старик закричал:

— Ох, проклятье! Опять это! Что за неудобство!

— У вас текстура краски слишком жидкая, — спокойно заметила я. — И, судя по всему, основа на масляной базе. Вам нужно закрепить ее специальным составом, иначе портрет будет продолжать течь. Я могу посоветовать средство, мы в зоопарке используем его для обработки вольеров от влаги.

Ректор-Призрак замер. Его лицо, наконец, обрело более или менее человеческие очертания — он был, как я уже упомянула, стариком с мудрым и одновременно трусливым выражением, которое не вязалось с его титулом.

— Ты... — начал он, но тут его взгляд упал на меня, и он, кажется, на мгновение забыл, что хотел сказать. — Ты — та самая. Спасительница. Пророчество. Я знал, что оно сбудется, но не думал, что так скоро и так... внезапно.

— Уважаемый Ректор-Призрак, — я аккуратно положила Иеронима на ближайший каменный выступ — он все еще лежал без движения, но дышал, слава богу, — позвольте мне внести ясность. Я — Женя Королёва. Ветеринарный врач. Я не знаю никаких пророчеств, и я, честно говоря, не понимаю, как я здесь оказалась. Но я очень хотела бы вернуться к своей операции. У меня там таракан с микрофильмом в пищевode, и если я его не закончу...

— Ты уже закончила, — раздался тонкий голос. Иероним открыл глаза. Или, вернее, он приподнял голову и посмотрел на меня с явным облегчением. — Мы в Академии. Ты извлекла ключ. Все прошло успешно.

— Иероним! — воскликнула я, поворачиваясь к нему. — Ты жив!

— Я не был мертв, — флегматично заметил таракан. — И вообще, я не просто архивариус, доктор. Я — эмиссар. Мое задание было доставить вас в Мортейн, в Академию Кошмаров, где вам предстоит пройти обучение и познать Сердце Тьмы.

— Познать что? — переспросила я, потому что это слово прозвучало для меня так же дико, как если бы мне сказали, что я должна подружиться с местным манулом и научить его

играть в шахматы. Хотя, признаться, манул был достаточно умен для шахмат. Я даже подозревала, что он обыграл бы меня в три хода.

— Сердце Тьмы, — повторил Иероним. — Это — суть. Суть нашего мира. Ты должна его понять. Ты должна принять его. И тогда ты сможешь открыть портал домой.

— Погоди, — я потеряла виски, чувствуя, как начинается привычная головная боль, которая всегда появлялась, когда я сталкивалась с чем-то, что требовало серьезного осмысления. — Ты хочешь сказать, что меня закинуло в другой мир? Не в шутку? Не в какой-то наркотический трип, который вызван испорченными консервами в столовой? А реально, в другой мир?

— Реально, — подтвердил Иероним. — Добро пожаловать в Мортейн. Это мир, переживший магический катаклизм. Здесь никогда не восходит солнце, а облака иногда складываются в нецензурные фигуры. Здесь магия работает на эссенции страха, а любой механизм имеет характер. У тебя будет время все узнать. Сейчас же — тебе нужно освоиться.

— Освоиться? — я оглянулась на зал, на тени, которые все еще шептались в углах, на зеленые свечи, на лица на потолке, которые, кажется, начали показывать язык. Я снова посмотрела на девушку-инженера, которая смотрела на меня с таким восторгом, что мне захотелось вытереть лицо — вдруг на мне что-то написано. Я посмотрела на поэта-романтика, который выглядел так, будто вот-вот упадет в обморок от моего присутствия. Я посмотрела на портрет, который начал показывать мне знак "два пальца" — или это у него просто краска снова потекла вниз, я не знала.

— Это какая-то шутка, — сказала я наконец. — Вас подослал Виктор? Он решил, что я слишком много работаю, и решил подшутить? Скажи ему, что это не смешно.

— Доктор Королёва, — голос Иеронима стал мягче, почти сочувствующим. — Это не шутка. Посмотрите на свои руки.

Я опустила взгляд. Мои руки все еще были в хирургических перчатках, испачканных какой-то темной слизью, которая, как я теперь понимала, была не остатками внутренностей таракана, а чем-то иным. Призрачным. Светящимся. Мои пальцы дрожали, но не от страха — от напряжения.

— Ладно, — сказала я, медленно выдыхая. — Допустим, это правда. Допустим, я действительно в другом мире. Что дальше? Вы сказали, Сердце Тьмы. Это какой-то орган? Это болезнь? Потому что, знаете, я неплохо разбираюсь в болезнях сердца. У нас в зоопарке был старый лев с аритмией, и я поставила ему диагноз, когда никто не мог...

— Это не болезнь, — перебил меня Ректор-Призрак, и его голос дрогнул. Похоже, он уже устал от моего материализма. — Это — суть. Суть нашего мира. Она пронизывает все. И чтобы вернуться домой, ты должна... ну, познать ее. Изучить.

— Изучить? — я задумалась. В моей голове начал вырисовываться план. Если это действительно болезнь сердца, пусть даже магического, я могу ее вылечить. Или, по крайней мере, понять. А если я пойму, я смогу открыть портал. Это логично.

— Хорошо, — сказала я, и в моем голосе прозвучала та самая деловая нотка, которая всегда появлялась, когда я решала взяться за сложный случай. — Где у вас библиотека? Мне нужны учебники по анатомии. Магической анатомии. И по кардиологии. Желательно с иллюстрациями.

— Зачем тебе учебники? — удивился поэт-романтик. — Ты — Спасительница. Твое знание должно быть врожденным.

— Мое знание, молодой человек, — я повернулась к нему и пристально посмотрела в глаза, отчего он слегка побледнел, — основано на том, что я прочитала, запомнила и применила. Никакого врожденного знания. У меня — профессиональный подход. А профессия ветеринара требует постоянного обучения. Так что, если вы не против, я бы хотела начать с самого начала. С основ.

Девушка-инженер вдруг шагнула вперед. Ее глаза горели.

— Ты потрясающая! — выпалила она, и я даже не поняла, комплимент это или диагноз. — Ты не боишься! Ты вообще не боишься! Ты даже не вздрогнула, когда портрет заговорил! Ты — такая крутая! Я — Лилиан, кстати. Лилиан Искра. Будущий величайший инженер мультивселенной. И я хочу быть твоей подругой. Ну, сестрой. Ну, если ты не против, я буду тебя обожать! Можно, я буду называть тебя старшей сестрой?

— Э... — я посмотрела на нее, потом на поэта-романтика, потом на портрет, который начал тихо посмеиваться. — Называй, как хочешь. Главное, скажи мне, где у вас тут аптечка. И спирт. Мне нужно обработать руки. И этого, — я указала на Иеронима, — нужно поместить в тепло. Ты, таракан, заслуживаешь паузы. Ты прошел через многое.

— Я в порядке, — сказал Иероним, но я заметила, как его усики поникли. — Просто отдохну.

— Тогда — в клетку, — я взяла его в руки, и в этот момент Ректор-Призрак подал голос:

— Стой! Ты не можешь уйти в библиотеку или искать аптечку! Ты должна... понимаешь, у нас здесь есть традиция. Первое появление Спасительницы в Зале Призыва всегда сопровождается... церемонией. Мы должны объявить твое прибытие. Представить тебя Совету. Провести ритуал признания.

— Ритуал признания? — я устало вздохнула. — Вы серьезно? Мне нужно в туалет, у меня руки в слизи, и я только что провела операцию на таракане. У вас есть приоритеты?

Поэт-романтик, который все это время стоял молча, вдруг шагнул вперед. Его лицо было мрачным, но в глазах читалось что-то похожее на любопытство. Он протянул руку, и я заметила, что он носит перчатки — черные, кожаные, с вышитыми на них рунами.

— Я — Квинт Шепот, — представился он. — Староста факультета Некромантии. Если ты хочешь, я провожу тебя в общежитие. Там есть... ну, вода. И, возможно, что-то похожее на аптечку, хотя у нас тут принято лечить магией.

— Спасибо, — я улыбнулась — не той широкой улыбкой, которую я дарила Артуру, когда он переставал трястись, а той профессиональной, которую я использовала в разговоре с трудными клиентами. — Я бы предпочла нормальные бинты и дезинфекцию, но если у вас есть магия, которая может отмыть руки, я согласна.

— У меня есть, — сказал Квинт, и в его голосе проскользнула нотка гордости. — Я умею оживлять мертвые ткани. Возможно, смогу и очистить живые.

— Ну, — я чуть наклонила голову, — звучит неплохо. Но давайте сначала разберемся с более насущными вопросами. Где здесь можно найти информацию о Сердце Тьмы?

— В библиотеке, — сказала Лилиан, подпрыгивая от возбуждения. — Но библиотека — это... ну, она не совсем обычная. Она — живая. И она не пускает всех. Только тех, кто рассмешит ее.

— Рассмешит? — я подняла бровь. — Библиотеку?

— Ну да, — Лилиан пожала плечами. — Она любит шутки. Если ты расскажешь ей анекдот, она смеется, и тогда ты можешь войти. Но если ты будешь скучным, она выкинет тебя наружу. Буквально.

— И что, ваши студенты рассказывают анекдоты библиотеке, чтобы попасть внутрь? — я почувствовала, как на моих губах заиграла улыбка — первая настоящая улыбка с момента моего прибытия.

— Да, — подтвердил Квинт, и его лицо стало еще мрачнее. — Это унижительно.

— Ничего, — я похлопала его по плечу (он вздрогнул, как будто я его ударила). — Научись. Я работаю в зоопарке, я умею находить общий язык с капризными существами. Даже с живой библиотекой.

— Ты... не боишься? — спросил Квинт, и в его голосе прозвучала такая искренняя растерянность, что я чуть не рассмеялась.

— Чего бояться? — я пожала плечами. — Это же просто библиотека. Ну, со своим характером. Как тот манул, который планировал мировое господство. Я с ним справилась.

— Ты — странная, — сказал Квинт, и в этом слове прозвучало что-то похожее на уважение.

— Привыкай, — ответила я. — Я здесь надолго, судя по всему.

И в этот момент за дверью Зала Призыва раздался душераздирающий вой.

Я замерла. Звук был низким, протяжным, в нем не было агрессии — только боль. Такая боль, которую я слышала тысячу раз: у животных, которые наступали на битое стекло, у птиц, которые попадали в силки, у тех же самых тараканов, когда их неаккуратно брали за лапки. Я узнала эту ноту — ноту страдания.

— Что это? — спросила я, поворачиваясь к двери.

— О, только не это! — Ректор-Призрак забился в своем портрете, краски снова потекли, и его лицо стало похоже на ужасную картину, нарисованную ребенком. — Это Кошмарный Вепрь! Он вырвался из вольера! Это опасно! Он может убить любого!

— Кошмарный... что? — я переспросила, уже делая шаг к двери.

— Вепрь! — заорал Ректор. — Огромный, черный, весь в молниях! Он — кошмар местных студентов! Он убивает все на своем пути!

— Он ранен, — сказала я, и в моем голосе не было страха. Только профессиональный интерес.

— Откуда ты знаешь? — спросил Квинт, хватая меня за руку.

— Я слышу, — ответила я, освобождаясь. — Я слышу боль. Не агрессию. Он не хочет никого убивать. Он просто хочет, чтобы ему помогли.

— Нет! — завопил Ректор. — Ты не понимаешь! Это — монстр! Он опасен! Ты не должна...

Но я уже открыла дверь.

За дверью оказался коридор — длинный, темный, освещенный теми же зелеными факелами, которые, казалось, пульсировали в такт с моим сердцем. Вой стал громче, и я увидела его: существо размером с медведя, покрытое черной щетиной, которая искрилась голубыми молниями. Оно стояло на четырех лапах, тяжело дышало, и из его бока торчал... обломок жезла. Магического жезла. Кто-то воткнул его в зверя.

Вепрь повернул голову, и я увидела его глаза — красные, налитые кровью. Он смотрел на меня с ненавистью, но в этой ненависти была не агрессия, а страх. Как у собаки, которую бросили на дороге.

— Тихо, — сказала я, и мой голос прозвучал так, как будто я разговаривала с перепуганной лошадей. — Тихо, хороший мальчик. Я вижу, что тебе больно. Покажи, где болит.

Вепрь оскалится. Из его пасти вырвался пар, смешанный с искрами. Он зарычал, но я не отступила. Я знала, что, если я покажу страх, он атакует. Поэтому я сделала то, что всегда делала с агрессивными пациентами: я вышла на середину коридора, вытянула руки вперед и заговорила медленно, монотонно, убаюкивающе.

— Ты знаешь, кто я? — спросила я. — Я — доктор. Я лечу. Ты ранен. Но я могу помочь. Ты хочешь, чтобы я помогла?

Вепрь замер. Его уши, которые были прижаты к голове, начали медленно подниматься. Он все еще рычал, но уже не так грозно.

Я сделала шаг вперед. Еще один.

— Я вижу жезл, — продолжала я. — Он торчит у тебя в боку. Это больно. Я уберу его. Но для этого ты должен лечь. Ты понял? Лечь.

Вепрь попятился. Я знала эту реакцию — страх перед неизвестным. Но я также знала, что животные чувствуют уверенность. Они чувствуют, когда им не хотят зла. Поэтому я подошла

ближе, пока не оказалась прямо перед его мордой. Он был огромным — его дыхание обжигало мое лицо, и я чувствовала запах озона и страха.

— Я — не твой враг, — сказала я. — Я — твой друг. Ты слышишь меня?

Вепрь издал тихий, жалобный звук — не рык, а скорее стон. Он медленно, очень медленно опустил голову и лег на бок. Его глаза все еще были красными, но в них исчезла злоба. Осталась только боль.

Я опустилась на колени рядом с ним и осторожно дотронулась до обломка жезла. Вепрь вздрогнул, но не двинулся. Я обхватила жезл пальцами и, резко, в одно движение, вытащила его.

Из раны хлынула черная кровь — она была горячей и липкой. Я зажала рану рукой, не обращая внимания на боль и грязь, и повернулась к коридору, где стояли Квинт, Лилиан и Ректор-Призрак, который как-то умудрился переместить свой портрет в коридор, и теперь висеть на стене с открытым ртом.

— Аптечку! — крикнула я. — Быстро! И бинты! И, если есть, зашивающий материал!

— Но... — начал Квинт.

— Быстро! — рявкнула я, и он побежал.

Я снова повернулась к вепрю. Он лежал на боку, его дыхание стало ровнее. Я погладила его по голове, по черной шерсти, которая искрилась электричеством.

— Все хорошо, — прошептала я. — Все хорошо, мальчик. Я здесь. Я вылечу тебя.

Вепрь приоткрыл глаза и лизнул мое лицо. Его язык был грубым и горячим, и от него пахло озоном. Я зажмурилась, чувствуя, как по моей коже пробегают слабые электрические разряды.

Когда я открыла глаза, в коридоре стояли студенты. Десятки студентов в черных мантиях. Они смотрели на меня с выражением, в котором смешивались ужас, восхищение и полное непонимание. Лилиан стояла впереди всех, сжимая паровой пистолет и улыбаясь так широко, что я начала бояться, что у нее треснут челюсти.

— Она — Спасительница, — прошептал кто-то из студентов.

— Она убила Кошмарного Вепря, — добавил другой.

— Голыми руками, — добавил третий, и его голос дрогнул.

Я не слушала их. Я смотрела на вепря, который уже засыпал, обессиленный и измученный. Его голова лежала на моих коленях, и я гладила его по черной шерсти, чувствуя, как электричество перестает искриться.

— Ты молодец, — прошептала я. — Ты был таким храбрым.

И я почувствовала, как по моей щеке скатилась слеза.

Я не знала, что меня ждет в этом мире. Я не знала, как вернуться домой. Но в этот момент, сидя на полу мрачного коридора, с Кошмарным Вепрем на коленях, я поняла одну вещь: я — там, где я нужна. И я сделаю все, чтобы вылечить его. Как я делала всегда.

И, возможно, именно в этом и заключалось мое предназначение.

— Доктор Королёва, — раздался голос Иеронима, который, оказывается, выполз из Зала Призыва и теперь стоял на ближайшем подоконнике. — Я должен был сказать тебе раньше, но... добро пожаловать в Академию Кошмаров.

Я подняла голову и посмотрела на него. Его усики подергивались, и в его сложных глазах я увидела странный блеск.

— Надеюсь, ты готова к тому, что тебя ждет, — продолжил он. — Это не просто место для обучения. Это — дом для всех, кто потерялся. Для всех, кто ищет. И, возможно, для всех, кто готов спасти.

Я вздохнула и погладила вепря по голове.

— Я всегда готова, — сказала я, и в моем голосе прозвучала та самая уверенность, которая была моей броней, моим щитом и моим даром.

— Даже к Сердцу Тьмы? — спросил Иероним.

— Особенно к нему, — ответила я. — Я ветеринар. Я умею лечить сердца. И, несмотря на всю абсурдность происходящего, я улыбнулась.

Потому что улыбка была единственным оружием, которое работало всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.